

ЛАО ШЭ

ВЫСОТА БЕЗЫМЯННАЯ

ЛАО ШЭ

ВЫСОТА БЕЗЫМЯННАЯ

ПОВЕСТЬ
О КИТАЙСКИХ НАРОДНЫХ ДОБРОВОЛЬЦАХ
В КОРее

Перевод с китайского А. П. РОГАЧЕВА

Под редакцией С. В. ХОХЛОВОЙ

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА—1958

ЛАО ШЭ

Высота Безымянная

Перевод с китайского А. П. Рогачева

Редактор *Сац В. Т.*

Художник *Корецкий П. С.*

Технический редактор *Простакова У. Ф.*

Корректор *Курчина Ю. С.*

Сдано в набор 1.07.58 г.

Подписано к печати 15.11.58 г.

Формат бумаги $84 \times 108\frac{1}{32}$ — $5\frac{5}{8}$ печ. л. = 9,225 усл. печ. л. 9,317 уч.-изд. л.

Г-40835.

Военное издательство Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-9, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 12/8850.

Зак. 1171.

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 4 р. 30 к.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Через два с лишним месяца после того, как было подписано перемирие в Паньмыньчжоне и на фронте от Желтого моря до Японского смолк грохот орудий, в Корею прибыла Третья делегация китайского народа, состоявшая из видных общественных деятелей, героев труда, писателей и деятелей искусства. Взорам представителей братской страны открылась страшная картина разрушений, сожженные напалмом города и села; они увидели горе и страдания миллионов людей, лишившихся своих близких. Казалось, каждый камень вопиет о преступлениях империалистических агрессоров, принесших огонь и смерть в «Страну утренней свежести». Но эти камни говорили и о другом: о стойкости и мужестве миролюбивого народа, о высоком воинском духе бойцов, сражавшихся за правое дело, о выкованной в боях дружбе корейской Народной армии и частей китайских народных добровольцев.

За три года до этого, июньским утром 1950 года, вооруженная США и обученная американскими военными инструкторами, армия Ли Сын Мана, давно уже мечтавшего о походе на Север, перешла 38-ю параллель. Через несколько дней к ней на помощь пришли главные инициаторы агрессивной войны — американские империалисты, которые хотели использовать всю Корею как плацдарм для нападения на Китай и Советский Союз. Они бросили в Корею свои отборные войска, применили реактивную авиацию, напалм, тяжелые танки. Американцы действо-

вали под голубым флагом ООН, хотя девять десятых «международных вооруженных сил» составляли их войска, тогда как на долю остальных 15 стран приходилась всего одна десятая, а по авиации и того меньше — один процент.

Несмотря на очевидное превосходство сил противника и внезапность нападения, храбро сражавшиеся части корейской Народной армии в первые месяцы войны отбросили интервентов далеко на юг. Но слишком неравны были силы. Высадив в Инчоне крупный десант, американцы сумели продвинуться на север, к границам КНР. Пламя войны приблизилось к границам Китая, вражеские самолеты все чаще вторгались в его воздушное пространство. Китайский народ не мог, естественно, оставаться равнодушным перед лицом угрозы безопасности своей страны и миру во всем мире. Как говорилось в совместном заявлении демократических партий Китайской Народной Республики, «агрессивные действия империалистов, возглавляемых США, представляют серьезную угрозу безопасности Китая... История показывает, что судьбы КНДР и Китая тесно связаны между собой. Одно государство не может защитить себя без помощи другого... Весь китайский народ горит желанием оказать сопротивление американской агрессии, помочь Корее и защитить свои дома и свою родину»¹.

На помощь братскому народу Кореи пришли отряды китайских народных добровольцев. Они нанесли сокрушительный удар по зарвавшимся интервентам и вынудили их откатиться с большими потерями назад, за 38-ю параллель. Сменявшие друг друга американские командующие Макартур, Риджуэй и Ван Флит, не желая смириться с поражением, бросали своих солдат то в «весеннее», то в «летнее» наступления, но безуспешно. Не помогла и тактика затягивания переговоров в Паньмынь-

¹ «Правда», 1950, 5 ноября.

чжоне. Рост антивоенных настроений в американском народе, давление международного общественного мнения и, главное, героическая борьба корейского и китайского народов, поддерживаемая всеми странами лагеря социализма во главе с Советским Союзом, — все это заставило интервентов подписать 27 июля 1953 года перемирие.

Американцы израсходовали на войну в Корее 20 миллиардов долларов, потеряли 390 тысяч солдат и офицеров (больше, чем во второй мировой войне), свыше 12 200 самолетов, 257 военных кораблей и много другой боевой техники¹. Урок, полученный в Корее, охладил самые горячие головы в Пентагоне, миролюбивые же народы земного шара почувствовали прилив уверенности в конечном торжестве своей борьбы за мир.

Немеркнувшей славой покрыли себя доблестные китайские народные добровольцы, сражавшиеся плечом к плечу со своими корейскими братьями. Навсегда останутся в памяти потомков имена героев особой степени Хуан Цзи-гуана и Ян Гэнь-сы, имена 46 других славных сынов китайского народа, удостоенных звания героя первой степени. Главнокомандующий частями китайских народных добровольцев, ныне Министр обороны КНР Маршал КНР Пэн Дэ-хуай, говорил: «Командиры и бойцы добровольческих частей проявляют беспримерный героизм и упорство, выносливость в боях. В наступлении, несмотря на вражеский огонь, не обращая внимания на усталость и трудности, они пересекают горы и реки и отважно пробиваются вперед... Многие бойцы, героически павшие в боях, умирая, призывали своих товарищей бесстрашно двигаться вперед, уничтожать агрессивные войска и завоевать победу»².

В полной мере эти замечательные качества китайских народных добровольцев проявились в бою за овладение

¹ Журнал «Дружба», 1958, № 13, стр. 5.

² «Народный Китай», 1951, № 3—4, стр. 9.

высотой Безымянной, о котором рассказывается в предлагаемой вниманию советского читателя повести Лао Шэ. Этот бой, имевший место весной 1953 года, незадолго до заключения перемирия в Корее, играл немаловажную роль для обеих сторон, так как овладение высотой давало возможность контролировать довольно значительный район. Сильно укрепленная американцами, изрытая траншеями и дзотами, высота Безымянная казалась неприступной. Но никакие укрепления не могут сдерживать боевого натиска народных добровольцев, борющихся за правое дело. В повести показано, как растет наступательный порыв бойцов и командиров, как тщательно ведется подготовка к штурму, какие чудеса храбрости совершают народные добровольцы во время тяжелого боя с сильным, вооруженным до зубов противником. В ярких образах командира батальона Хэ Чжун-юня, командира роты Ли Чжи-тана и многих других героев штурма повесть запечатлела горячий патриотизм, дух самопожертвования, высокую сознательность и дисциплину, стремление неустанно совершенствовать свое воинское мастерство — черты, присущие армии нового типа.

Автор повести Лао Шэ (псевдоним Шу Шэ-юя) — один из популярнейших в Китае литераторов старшего поколения, лучшие произведения которого известны далеко за пределами его родины. С детства (он родился в 1898 году в семье пекинского бедняка) проникся будущий писатель сочувствием к обездоленным. Он навсегда запомнил фигуры уличных торговцев, съезжившихся под порывами январского ветра; преждевременно состарившихся рикш, задыхающихся от быстрого бега; печальные лица обитательниц «веселых домов». Судьбы несчастных — а в старом Китае их было много миллионов — Лао Шэ с большой впечатляющей силой обрисовал в своих глубоко человечных произведениях.

Благодаря самоотверженным усилиям матери Лао Шэ удалось закончить сначала частную школу, где он

получил основы классического китайского образования, а затем учительскую семинарию. Интерес к литературе пробудился в нем в период антифеодального и антиимпериалистического «движения 4 мая», положившего начало борьбе за новую культуру в Китае. В своих первых произведениях («Философия Чжана», «Двое Ма», «День рождения Сяо По» и др.) он высмеивал беспринципность и жадность обывателей, описывал жизнь пекинских студентов, осуждал проявления колониализма. Высокими художественными достоинствами отличается роман «Верблюд Сян-цзы» («Рикша»), 1935 год, в котором на примере крестьянского парня, ушедшего в город на заработки, но так и не сумевшего выбиться из нужды, раскрывается трагедия простого человека в обществе, где царит дух насилия и наживы.

Лао Шэ, всей душой ненавидевший старое общество, не сразу нашел пути борьбы с ним. Оттого в ранних произведениях ирония писателя иногда принимает пессимистический оттенок. Но писатель, вдумчиво изучающий действительность, преодолевает ограниченность своих взглядов и сближается с передовыми китайскими писателями, находившимися под идейным влиянием Коммунистической партии. Не случайно в его произведениях появляются такие герои, как революционер-подпольщик Ли (рассказ «Черный и Белый Ли»).

К началу антияпонской войны 1937—1945 годов Лао Шэ является уже одним из ведущих писателей Китая. В годы войны он выступил с целым рядом патриотических повестей, рассказов и пьес («Кремация», «Остатки тумана» и др.), а вскоре после ее окончания опубликовал трехтомный роман «Четыре поколения под одной крышей» о жизни Пекина в период японской оккупации.

Небывалый подъем в творчестве Лао Шэ наступает после образования Китайской Народной Республики. Новая действительность, бурный расцвет во всех областях жизни страны вызвали огромный прилив сил в уже не-

высотой Безымянной, о котором рассказывается в предлагаемой вниманию советского читателя повести Лао Шэ. Этот бой, имевший место весной 1953 года, незадолго до заключения перемирия в Корее, играл немаловажную роль для обеих сторон, так как овладение высотой давало возможность контролировать довольно значительный район. Сильно укрепленная американцами, изрытая траншеями и дзотами, высота Безымянная казалась неприступной. Но никакие укрепления не могут сдержать боевого натиска народных добровольцев, борющихся за правое дело. В повести показано, как растет наступательный порыв бойцов и командиров, как тщательно ведется подготовка к штурму, какие чудеса храбрости совершают народные добровольцы во время тяжелого боя с сильным, вооруженным до зубов противником. В ярких образах командира батальона Хэ Чжун-юня, командира роты Ли Чжи-тана и многих других героев штурма повесть запечатлела горячий патриотизм, дух самопожертвования, высокую сознательность и дисциплину, стремление неустанно совершенствовать свое воинское мастерство — черты, присущие армии нового типа.

Автор повести Лао Шэ (псевдоним Шу Шэ-юя) — один из популярнейших в Китае литераторов старшего поколения, лучшие произведения которого известны далеко за пределами его родины. С детства (он родился в 1898 году в семье пекинского бедняка) проникся будущий писатель сочувствием к обездоленным. Он навсегда запомнил фигуры уличных торговцев, съежившихся под порывами январского ветра; преждевременно состарившихся рикш, задыхающихся от быстрого бега; печальные лица обитательниц «веселых домов». Судьбы несчастных — а в старом Китае их было много миллионов — Лао Шэ с большой впечатляющей силой обрисовал в своих глубоко человеческих произведениях.

Благодаря самоотверженным усилиям матери Лао Шэ удалось закончить сначала частную школу, где он

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Незаметно промелькнул февраль; за этот короткий месяц на фронте не произошло никаких перемен.

Всюду чувствовалось приближение весны, хотя зима все еще яростно сопротивлялась. Дальние вершины по-прежнему дремали под снежным покровом, зато в ущельях, у подножья ближних гор, где протекала Ёккокчхон, походившая скорее на горный поток, чем на реку, с каждым днем все больше ощущалось дыхание весны. Здесь, правда, все было сковано льдом, но стоило пригреть солнышку, и лед начинал подтаивать, вода уносила с собой грязь и снег, накопившиеся за зиму, и вот, наконец, обозначилось пестрое русло реки. Весна медленно, но уверенно вступала в свои права.

Ёккокчхон протекала между горами. Эта мало кому известная и ничем не примечательная река причиняла нашим бойцам много хлопот. Особенно доставалось подразделениям службы тыла. Они зорко следили за всем, что происходило на реке, ибо в любой момент должны были быть готовы найти выход из самого опасного положения, проявить находчивость и отвагу. Командир отделения транспортной роты Чан Жо-гуй обычно говорил: «Эта проклятая река для нас все равно, что путы для стеноженной лошади!»

Чан Жо-гуй был крепкий, как камень, коренастый, с широким лицом и плотной шеей человек лет тридцати. Этого опытного командира не пугали никакие «путы», он всегда с честью выполнял любое трудное задание. Ему хотелось поскорей уничтожить противника, не дать ему возможности артиллерийским огнем блокировать наши коммуникации. Всякий раз, встречаясь с молодым бойцом-связистом Тань Мин-чао, «старик», как

молодом писателе. Ежегодно появляются его пьесы, повести, стихи, статьи. В них Лао Шэ показывает решающие перемены в жизни народа, воспевают трудовые подвиги рабочего класса, бичует бесчестных предпринимателей, взяточников и политических авантюристов. Очень тепло, в частности, встретили читатели его последнюю пьесу «Чайная», где ярко проявился его талант бытописателя и психолога. Лао Шэ принимает деятельное участие в общественно-политической жизни страны. Как депутат Всекитайского собрания народных представителей и как один из руководящих деятелей Союза китайских писателей он неоднократно бывал в Советском Союзе, о котором всегда пишет с большой теплотой и любовью. Писатель-патриот, замечательный мастер слова, многоопытный наставник литературной молодежи Лао Шэ пользуется признанием и уважением среди самых широких слоев китайского народа.

В составе Третьей делегации китайского народа Лао Шэ посетил в октябре 1953 года Корею. Результатом этой поездки явилась настоящая повесть, историю создания которой автор рассказывает в своем послесловии.

Со времени событий, описанных в повести, прошло свыше пяти лет. По решению правительства КНР части китайских народных добровольцев возвратились на родину, где их, самых любимых, восторженно встретил весь народ. И у себя на родине они будут так же самоотверженно трудиться во имя светлого будущего, так же зорко охранять мир, как делали это вечно благодарной им Корее.

В. Сорокин

А почему бы молодому бойцу и не помечтать о славе, о том, как завоевать ее? Наконец Тань Мин-чао довелось увидеть командира батальона, которого он глубоко уважал. Это произошло как раз в тот момент, когда 1-й батальон отводили с переднего края в ближний тыл на отдых и пополнение. Тань Мин-чао откровенно рассказал командиру батальона о своем заветном желании и о том, что он учится, надеясь стать радиотелефонистом.

Тань Мин-чао думал, что командир батальона отнесется к нему, как к мальчишке, и отделается лишь несколькими фразами. Ведь командир батальона — герой, он был в Пекине, видел Председателя Мао Цзэ-дуня! А командир батальона не только внимательно выслушал Тань Мин-чао, но и подробно расспросил его обо всем: как зовут, сколько лет, откуда родом, как служит; он похвалил его за стремление настойчиво изучать свою специальность. Тань Мин-чао и подумать не мог, что командир батальона такой искренний, простой и близкий. Представится ли возможность взять Тань Мин-чао на передовую, командир батальона сразу не мог сказать: все будет зависеть от обстановки. Ведь не исключена возможность, что во время боя рота связи полка будет придана его батальону. «Работайте хорошенько! Я буду помнить о вас», — сказал командир батальона.

От этих простых, сердечных слов рука юноши, отдававшего честь, словно приросла к виску, он не в силах был опустить ее. Уходя, командир батальона обернулся и, улыбаясь, сказал:

— Когда я пришел в армию, я был на два года моложе вас.

Все подробности этой короткой встречи, улыбка, взгляд командира батальона глубоко запали в душу молодого бойца. С тех пор во время очередного дежурства Тань Мин-чао больше не сидел в укрытии, а все время находился на берегу, зорко наблюдая за линией телефонной связи у переправы. Укрытие было в тридцати с лишним метрах от переправы, и, чтобы не тратить времени на хождение в подразделение и обратно, он брал с собой сухой паек, а когда хотел пить, грыз кусок льда, досадуя на то, что не мог утолить жажду и во рту было по-прежнему сухо. Подобрал несколько кусков оборванного провода, он возвращался в укрытие и прятал их там. Они были для него так же дороги, как патроны.

До наступления сумерек противник несколько раз обстреливал переправу. Тань Мин-чао сразу же на слух определял, из какого орудия противник стреляет и куда бьет. Когда снаряд разрывался поблизости и линия оказывалась поврежденной, Тань Мин-чао быстро припадал к земле, находил место обрыва и восстанавливал связь. Кругом падали осколки снарядов, но он, казалось, скользил между ними, ликвидируя обрыв.

Восстановив поврежденную линию, Тань Мин-чао возвращался к укрытию. На этот раз он встретился с несколькими саперами, которые шли к реке наводить мост: деревянный мост через переправу наводили каждый день после наступления сумерек и разбирали перед рассветом, чтобы уберечь от артиллерийского огня противника.

Сапер Вэнь Цзи-шуан был другом Тань Мин-чао. Они познакомились однажды у переправы и с первой же встречи понравились друг другу. Оба они были родом из западной части провинции Хунань. Но не только это сдружило их. Сблизила их молодость и еще то, что оба они были членами Союза молодежи¹.

Вэнь Цзи-шуан учился когда-то в начальной школе и поэтому считался «образованным». Тань Мин-чао происходил из очень бедной семьи и учиться ему не пришлось. Но это несколько не мешало их дружбе. Вэнь Цзи-шуан тоже с большим упорством изучал свою специальность. Во время послеобеденного отдыха, когда бойцы спали, он мастерил модели деревянных мостов. После трех месяцев учебы он лучше всех сдал экзамены. Тань Мин-чао уважал Вэнь Цзи-шуана за его трудолюбие и упорство в работе.

Друзья всякий раз старались улучшить свободную минуту и поговорить, держа при этом друг друга за руки. Вэнь Цзи-шуан советовал Тань Мин-чао серьезно заняться учебой, а тот в свою очередь говорил своему другу:

— Ты слаб, закаляйся и станешь крепким, как железо!

Вэнь Цзи-шуан старался оправдать заботу партии и Союза молодежи и быть достойным своих друзей, которые помогали ему словом и делом. Однажды в начале

¹ Союз молодежи — Новодемократический Союз молодежи, ныне Коммунистический Союз молодежи Китая. — *Прим. ред.*

зимы прошлого года был разрушен деревянный мост; бревна понесло вниз по течению, но они натолкнулись на подводные камни. Вэнь Цзи-шуан бросился в ледяную воду. Сорок минут вытаскивал он бревна, посинел от холода и потерял сознание. Очнулся он лишь много времени спустя, после того как повар перенес его на теплый кан¹.

И вот теперь друзья встретились вновь Тань Мин-чао сжал руку друга и долго не мог вымолвить ни слова, губы его дрожали.

— Сяо Вэнь², ты... ты... молодец! Я должен, обязательно должен быть таким, как ты! — заикаясь от волнения, проговорил он.

Вэнь Цзи-шуан торопился: он шел наводить мост — и поговорить им не удалось. Он успел лишь сказать:

— Когда же, наконец, начнется наступление? — И указал рукой на восток. С этими словами он побежал к переправе.

Тань Мин-чао не успел ответить и пошел к укрытию. Ему было немного досадно, что он так и не поговорил с другом.

У входа в укрытие он встретил командира отделения транспортной роты Чан Жо-гуя. Тот нес на спине ящик с ручными гранатами. Тань Мин-чао бросил провода в укрытие и мигом очутился рядом с командиром отделения.

— Разрешите, я понесу, товарищ командир!

Задержав взгляд на связисте, Чан Жо-гуй грубовато спросил:

— Зачем?

— Я понесу! ведь вы... старший товарищ!

— У тебя, паренек, свое задание, у меня — свое! — ответил Чан Жо-гуй.

Тань Мин-чао знал упрямый характер командира отделения и все же решил подзадорить его.

— Уж лучше я перенесу, ведь река для вас все равно, что «путь для стреноженной лошади», — сказал он.

— Подумаешь! — вспыхнул Чан Жо-гуй. — Да число боев, в которых я участвовал, больше количества иерог-

¹ Кан — отапливаемая широкая лежанка. — *Прим. ред.*

² Сяо — «маленький». Сяо Вэнь — уменьшительное от Вэнь Цзи-шуан. — *Прим. ред.*

лифов, которые ты знаешь! Поскорее бы разорвать эти проклятые «путы»! Достаточно я натерпелся.

«Достаточно я натерпелся!» — эти слова жили в душе каждого бойца и командира. Вся местность протяженностью в пять с лишним километров к востоку от Ёккокчхон хорошо просматривалась противником, он все видел как на ладони и при малейшем движении на нашей стороне сразу же открывал беспорядочную стрельбу. Поэтому бойцы могли передвигаться только глубокой ночью. Их не пугали трудности, но терпеть дальше такое положение было невозможно.

Тань Мин-чао в душе был согласен с командиром отделения. Ведь он сам еще совсем недавно просил командира батальона взять его с собой на передовую. Однако молодой задор помешал Тань Мин-чао сразу же прекратить разговор, к тому же он хорошо знал, что командир отделения любит его, и решил поболтать со «стариком».

— Наступать так наступать, обороняться так обороняться, я ничего не боюсь! Как только раздастся выстрел, я уже знаю, куда бьет противник.

— А я знаю это еще до выстрела, — глаза командира отделения округлились, ноздри задрожали от едва сдерживаемого смеха, он был доволен своей шуткой.

Юноша покраснел. Нет, видно, этого старого воробья не переговоришь. И Тань Мин-чао заговорил о другом.

— Присядьте, товарищ командир! Мост еще не навели.

Не снимая ящика с плеч, командир отделения сел на большой камень, который лежал перед входом в укрытие, и положил на колени руки, кряжистые, как корни старого дерева.

— Почему вы один, товарищ командир?

— Они позади. Они спешили, а я не торопился.

Командир отделения обычно говорил короткими малопонятными фразами. Вот и сейчас его слова надо было понимать так: «Позади еще несколько человек. Вначале они пошли быстро, а потом устали, ведь дорога-то горная. А я правильно рассчитал свои силы, поэтому и обогнал их».

Тань Мин-чао не рискнул переспрашивать командира отделения, так как знал, что тот скажет: «Ты что, простых слов не понимаешь?»

Несмотря ни на какие трудности, служба в армии доставляла Чан Жо-гую подлинную радость. Стоило ему только услышать о победе, и он десятки раз повторял «здорово». Это было его излюбленное слово. Он любил сказануть крепкое словечко, был несколько грубоват, но зато умел сплотить людей. Никогда не хлопал никого по плечу, не любил панибратства и сам служил примером для других. Чан Жо-гуй был коммунистом и всегда шел первым на любое трудное дело; он никогда не заботился о своих личных интересах. Когда его хвалили, он обычно говорил: «Разве может член партии поступать иначе?». Но при этом втайне радовался и восклицал несколько раз подряд «здорово»; он знал, что неплохо справляется со своими обязанностями, однако считал, что должен работать лучше.

Со стороны реки к ним приближались двое. Чан Жо-гуй понял, что мост уже навели, и медленно поднялся.

— Подождите, скоро подойдут ваши бойцы. — Связисту хотелось еще немного поговорить с Чан Жо-гуем.

— Я своих бойцов не потеряю! Смотри не теряй прохода!

— Я скорее потеряю собственную голову, — решительно ответил Тань Мин-чао.

В это время к ним подошли старшина 2-й роты Тан Вань-шань и санитар Ван Цзюнь-хуа. Старшина был небольшого роста, с приветливым лицом. Он много лет служил в армии и был старым фронтовым другом командира отделения. Чан Жо-гуй хотел было перекинуться с ним несколькими словами, но, увидев рядом незнакомого ему санитару, небрежно отдал честь и пошел к переправе.

Старшина Тан Вань-шань был большой любитель поговорить и, по самым скромным подсчетам, ежедневно говорил за десятерых. Это был человек способный. Он интересовался всем на свете, был мастером на все руки и, что самое главное, отлично умел организовать питание бойцов. Вот и сейчас он возвращался с восточного берега реки Ёккокчхон, где делился своим опытом с отделением новых поваров, недавно сменившихся на переднем крае. Кроме того, Тан Вань-шань умел сочинять хорошие частушки, шаньдунские скороговорки и мелодии для однострунных инструментов. Бойцы не только были довольны

питанием, но и с удовольствием слушали его песни. И если бы они не находились сейчас в подземных галереях, Тан Вань-шань, пожалуй, показал бы им, как он во время праздника Весны устраивал процессию с фонарями и ходил на ходулях.

Возвращаясь с переднего края, старшина Тан Вань-шань и санитар Ван Цзюнь-хуа рассуждали о том, как облегчить страдания раненых во время боя. Тан Вань-шаню уже много раз случалось выносить раненых с переднего края.

Увидев Тань Мин-чао, старшина первый поздоровался с ним и сосредоточил все свое внимание на телефонных проводах.

— Товарищ, сколько было сегодня повреждений?

Тань Мин-чао ничего не ответил и только улыбнулся.

Санитар Ван Цзюнь-хуа, несмотря на свою молодость, уже участвовал в боях, ему приходилось не только перевязывать раненых прямо на поле боя, но и отбивать ручными гранатами атаки противника. Ему, бывалому воину, пришелся по душе этот молчаливый и серьезный паренек, понравилось невозмутимое спокойствие Тань Мин-чао.

Стемнело. Один за другим стали подходить с грузом бойцы транспортной роты, оставшие от командира отделения Чан Жо-гуя. Старшина Тан Вань-шань поспешил поздороваться с ними.

— Передохните немного! Кто хочет покурить, пусть зайдет в укрытие.

Тан Вань-шань в любых условиях быстро ориентировался и везде умел устроить всех поудобнее.

Но бойцы не стали задерживаться, опасаясь, что вскоре противник начнет пускать осветительные ракеты и перейти мост будет нелегко. Старшина вздохнул:

— Вот надоели, черти! Скорее бы их всех уничтожить!

Его слова нашли отклик в душе у каждого бойца.

Все как по команде устремили взгляд на восток. Но там, кроме нескольких звезд, ничего не было видно. Всем хотелось увидеть Лысую сопку, которую противник хвастливо называл «своими глазами», «воротами в Сеул» и «самой прочной позицией». Мы же называли ее просто высотой Безымянной.